

Св. Григорій Назіанзень какъ обличитель недостойныхъ пастырей ¹⁾.

Всякое время нуждается въ людяхъ, которые бы оживляли и располагали къ дѣятельности слабыхъ и лѣнивыхъ пастырей церкви, которые бы своимъ словомъ и примѣромъ наставляли безпечное духовенство въ его священныхъ обязанностяхъ. Для тѣхъ, кои проходятъ пастырскую должность не по внутреннему призванію, но ради прибытка и господства, въ высшей степени необходимо зеркало, въ которомъ бы они со всею ясностію видѣли безобразіе своихъ мыслей и поступковъ. Счастливъ тотъ мужъ, которому Богъ даруетъ быть, какъ выражается слово Божіе, солю и свѣтомъ міра! Счастливъ пастырь, который съ ревностію и настойчивостію противоборствуетъ распространенію зла, и все силы употребляетъ для насажденія въ человѣчествѣ прекраснаго и добраго!

До того времени, когда жилъ Григорій Назіанзень, христіанское общество, только-что вышедшее изъ состоянія униженія, имѣло довольно свѣтлый видъ. Гнѣтъ и преслѣдованія научили его желать чистѣйшаго и полнѣйшаго счастья; духовенство, жертвующее собою для блага ближнихъ, въ горнилѣ вѣнниихъ несчастій и борьбы очистилось, сдѣлалось внутренне крѣпче и сильнѣе.—Но во времена Григорія Назіанзена съ состояніемъ христіанскаго учителя не была сопря-

¹⁾ Gregorius der Theologe, von Ullmann. 1867. s. 355—367.

жена вѣбшая опасность, напротивъ, оно было сопутуемо перѣдко честію, богатствомъ и сильнымъ вліяніемъ. Привлечательныя средства къ развращенію духовныхъ усилились и произвели множество золь, изъ которыхъ особенно выдавались слѣдующія.

Между богословами господствовала какая-то, очень не гармонирующая съ простою евангельскою истиною, страсть спорить о догматическихъ предметахъ, и вмѣстѣ страшный духъ преслѣдованія, который убѣдительно защищалъ очень остроумныя, но для спасенія души совершенно излишнія формулы. Хотя не одни духовные слѣдовали этому направленію: ибо все тогда, какъ говорятъ, «догматизировало и спорило», но духовные виновны въ томъ, что особенно способствовали происхожденію этого направленія, и освящали его собственнымъ примѣромъ.—И Григорій Назіанзенъ былъ воодушевленъ ревностію, защищая извѣстныя положенія и формулы; но при этомъ онъ не терялъ изъ виду, что есть практически-благодѣтельныя истины, что жизнь и дѣло гораздо болѣе значать нежели ученныя положенія и теоріи. А потому онъ при всякомъ удобномъ случаѣ доказывалъ, что ни одинъ христіанинъ, не говоря уже богословъ, не можетъ быть достойнымъ спасенія, если не сохранилъ заповѣдей Божіихъ и не будетъ ходить въ законѣ Бгю, что добрыя дѣла суть самая вѣрная ступени къ созерцанію. (Orat. XX).

Другое зло, которое повторяется во всякое время, хотя не въ одномъ и томъ же видѣ, состояло въ недостойномъ способѣ приобрѣтенія духовныхъ мѣстъ. Это зло имѣло такіе опромные размѣры, что перѣдко возбуждало въ благородныхъ душахъ совершенную нерасположенность къ приобрѣтенію духовныхъ должностей, и заставляло ихъ лучше жить въ спокойномъ и благочестивомъ уединеніи, нежели въ мірской суетѣ, прикрывающей церковію «Когда съотро», ишетъ

Григорій Назіанзенъ, «на успливающуюся нынѣ болѣзнь языка, на скороспѣлыхъ мудрецовъ, на производимыхъ вновь бого-слововъ, для которыхъ довольно только захотѣть, чтобъ стать мудрыми; тогда ощущаю потребность высшего любомудрія, ищу съ Іереміею виталища послѣдняго, и желаю быть одинъ съ самимъ собою». (Hom. XX). Рѣшительное вліяніе на избраніе пастырей имѣли въ то время или власть двора, или рекомендація монаховъ, или воля народа, который свои притязанія на право выбора епископа высказывалъ нерѣдко мятежами и кровопролитіемъ. Рѣдко были соблюдаемы при этомъ какія-либо опредѣленные правила; напротивъ, очень часто достигали епископскихъ мѣстъ коварствомъ, происками, наглостію, насиліемъ. Правильный ходъ отъ низшей духовной ступени къ высшей конечно внести бы хотя нѣкоторый порядокъ въ это нестройное существо, можетъ быть воспрепятствовалъ бы совершенно невѣжественнымъ, даже иногда некрещенымъ людямъ быть избираемыми на первыя епископскія кафедры. Но правильнаго движенія не было, и потому число недостойныхъ епископовъ возрастало съ каждымъ днемъ. «Нѣкоторые приходятъ», жалуется св. Григорій, «отъ стола, на которомъ мѣняють деньги: иные, сожженные солнцемъ, отъ плуга; иные отъ мотыки, за которой проводятъ цѣлый день; иные оставили кормило или воинство, и пахнутъ еще морской водой, или покрыты рубцами; иные еще не очистили своей кожи отъ сажн трубочистовъ. (Carm. de se ipso). Не правы даютъ имъ степень, а степень правы. (Такъ ужасно извращенъ порядокъ!) Они сами еще не очистились, а начинаютъ очищать другихъ. Вчера святотатцы, а нынѣ священники; вчера не смѣвшіе приступить къ святымъ, а нынѣ тайноводители. (Orat. XXI). Вчера еще ты былъ въ театрѣ между комедіантами, а что ты дѣлалъ послѣ театра, о томъ неприлично и говорить мнѣ; но теперь ты самъ представляешь

совершенно новую комедию. Недавно ты былъ любителемъ лошадей и поднималъ пыль къ небу, какъ иной молитвы и благочестивыя мысли; а теперь ты такъ смиренъ и смотришь такъ стыдливо, хотя можетъ быть втайнѣ снова возвращаешься къ прежнимъ правамъ. Вчера ты продавалъ какъ риторъ право, и толковалъ туда и сюда законы; а теперь вдругъ сдѣлался судіею, вторымъ Данииломъ. Вчера ты сидѣлъ на судѣ съ обнаженнымъ мечемъ, и свою судебскую каѣдру дѣлалъ законной разбойнической пещерой, вчера ты оправдывалъ на основаніи законовъ воровство и насиліе; а теперь ты такъ кротокъ и смиренъ! Трудно повѣрить, чтобы кто-либо могъ такъ легко перемѣнить свою одежду, какъ ты свой образъ жизни. (Carm. ad episc). Теперь мы бѣжимъ опасности, такъ что святѣйшая между всѣми должностями дѣлается самой смѣшной; ибо высшія духовныя мѣста пріобрѣтаются не столько добродѣтелию, сколько порочностію,—на епископскія каѣдры восходятъ не достойнѣйшіе, а недостойнѣйшіе» (Orat. XLIII).

Эта и подобная неурядица, которую такъ живо изображаетъ св. Григорій, не была бы, говорить, возможна въ такой степени, если бы почиталось необходимымъ основательное приготовленіе къ духовному званію и правильное движеніе въ немъ. Св. Григорій поэтому весьма серьезно указываетъ на необходимость того и другаго. Онъ горько жалуется, что употребляютъ всѣ средства для возведенія наукъ и искусствъ на высшую степень совершенства, а о самомъ великомъ званіи и не думаютъ. «Врачемъ не называется тотъ, кто не научился распознавать болѣзни, жпвонисцемъ не называется тотъ, кто не дѣлалъ многихъ опытовъ въ смѣшеніи красокъ и снятіи копій; а духовнаго находятъ очень легко, конечно не трудившагося надъ образованіемъ себя, а сдѣланнаго наскоро, такого, который въ одно мгновеніе посѣянъ и

взросъ, какъ говоритъ басня о гигантахъ. Мы образуемъ святыхъ въ одинъ день, и повелѣваемъ имъ быть мудрыми, хотя они еще не обладаютъ никакой истиной и не ознаменовали себя никакимъ добрымъ дѣломъ. Надменный председательствуетъ, поднимаетъ бровь противъ лучшихъ себя, безъ трепета восходитъ на престолъ, и думаетъ, что, получивъ могущество, онъ сталъ и премудрѣе!—Нѣтъ, лучшимъ духовнымъ и достойнымъ высшаго мѣста можетъ быть названъ только тотъ, кто болѣе всего заботится о божественномъ словѣ, кто постоянно обуздываетъ свою плоть и покоряетъ ее духу, и скромно стоитъ на низшемъ мѣстѣ. (Orat. XLIII. Carm. ad episc.).

Св. Григорій очень часто доказываетъ необходимость правильного движенія отъ низшаго духовнаго мѣста къ высшему; онъ почитаетъ очень важнымъ то, чтобы какъ въ благоустроенномъ флотѣ или войскѣ, такъ и въ церкви Христовой, каждый начиналъ служеніе съ низшихъ должностей, и посредствомъ служебнаго послушанія приготавлился къ очень трудному искусству распоряжающаго владыки. Ему, который всю свою жизнь, даже до 30-хъ годовъ, посвятилъ на приготовительныя науки къ богословію, и, не смотря на то, уклонялся отъ принятія великихъ обязанностей духовнаго сана, очень тяжело было видѣть, что совершенно юные и неопытные люди, съ страшнымъ легкомысліемъ ищутъ духовныхъ должностей, и потомъ дѣлаются соблазномъ для народа. И потому мы не должны удивляться, если онъ такихъ людей наказываетъ самыми горькими насмѣшками. «У насъ», говоритъ онъ, «совершенно не установлена граница между учить и учиться; это дѣло у насъ въ безпорядкѣ и запустѣніи, такъ что большая часть изъ насъ, я не хочу сказать всѣ, прежде нежели оставить дѣтскую школу и перестанутъ лепетать, прежде нежели вступать на священную паперть, прежде

чѣмъ познакомятся съ книгами ветхаго и новаго завѣта, не говорю уже прежде чѣмъ смоютъ скверну своей души, т. е. грѣхъ,—уже думаютъ быть учителями и руководителями душъ. Если они только научились произнести два или три благочестивыхъ слова, если они только познакомились нѣсколько съ Давидомъ, или умѣютъ хорошо набросить свою мантию и показаться по наружности благочестивыми, то уже думаютъ, что все сдѣлали для того чтобы епископствовать; они думаютъ, что если Самуилъ былъ отъ купѣли посвященъ Богу, то мы, находящіеся въ зрѣломъ возрастѣ, въ высшей степени испытаны въ божественныхъ вещахъ, что мы—первые знатоки писаній и законовѣдцы». (Orat. XLIII. Orat. II).

Почему такъ мало чувствовали потребность основательнаго приготовленія къ духовному званію, почему даже необразованнымъ открывался путь къ высшимъ должностямъ,—это легко объясняется невѣжествомъ и необразованностію многихъ членовъ духовнаго званія. Такъ какъ выгодами этого званія можно было пользоваться безъ богословской учености; то многіе духовные предавались лѣности, а потомъ выдумывали разныя доказательства на то, что ученныя занятія не только излишни, но даже вредны для христіанскаго пастыря. Они злоупотребляли при этомъ примѣрами тѣхъ достоуважаемыхъ рыбарей и мытарей, которые хотя не имѣли богословскаго образованія, но силою своего слова побѣдили міръ. Св. Григорія особенно возмущало это, обидное для богомудрыхъ апостоловъ, сравненіе ихъ съ необразованными пастырями. «Вы утверждаете», пишетъ онъ, «что апостолы, не будучи учеными, силою слова побѣдили міръ. Это правда. Но это было съ апостолами, и притомъ для того, чтобы дѣйствіе изрекаемаго ими слова было тѣмъ чудеснѣе. Я желалъ бы, чтобы тотъ, кто основывается на этомъ примѣрѣ, хотя однажды доказалъ такую силу воли, какая обитала въ апосто-

лахъ; пусть покажетъ, что и онъ, подобно апостоламъ, можетъ жить безъ денегъ, безъ постоянного пристанища, безъ обуви, довольствуясь только насущнымъ хлѣбомъ; пусть онъ обнаружитъ ту чудесную силу, какую имѣли апостолы: пусть изгоняетъ демоновъ, исцѣляетъ прокаженныхъ, воскрешаетъ мертвыхъ». (Carm. ad episc).

Кромѣ указанныхъ недостатковъ, господствовали между большинствомъ духовныхъ въ высшей степени свѣтскіи образы мыслей, который обнаруживался различно. Описаніе этого чувственного образа мыслей того времени встрѣчается особенно въ стихотвореніяхъ Григорія «о себѣ самомъ и противъ епископовъ». Конечно, иное здѣсь поставлено для украшенія; но большая часть сказаннаго взята изъ жизни и имѣетъ ясную печать дѣйствительности. «Левъ, ехидна, змѣя, говоритъ св. Григорій, болѣе великодушны и кротки, въ сравненіи съ дурными епископами, которые всѣ исполнены гордости, но не имѣютъ и искры любви. Посмотри сквозь овечью кожу на волка, пусть онъ убѣждаетъ меня не словами, но дѣломъ; я ненавижу ученіе, которое противорѣчитъ жизни; когда я хвалю цвѣтъ погребеннаго гроба, то презираю запахъ исходящій отъ истлѣвающихъ членовъ». — Серьезному, занятому постояннымъ упражненіемъ въ аскетизмѣ мужу, св. Григорій противопоставляетъ свѣтскаго пастыря, который предается юношескимъ удовольствіямъ, играетъ, поетъ, угрождаетъ чреву и всѣ чувства отрываяетъ для житейскихъ радостей. У такихъ людей, какъ говоритъ Григорій, невѣжество хотя есть зло, но самое маловажное.. Въ своей вѣрѣ они двуязычны; слушаютъ духу времени, а не закону Болю; непостоянны къ своему ученію, какъ трость вѣтромъ колеблемая; по отношенію къ слабымъ они какъ львы, а по отношенію къ сильнымъ какъ собаки, всюду сующіе свой носъ, и пресмыкающіеся гораздо чаще у дверей людей вліятельныхъ, нежели у дверей

людей мудрыхъ... Они гоняются больше за пріятнымъ, нежели за полезнымъ. Одинъ изъ нихъ хвалится своимъ благородствомъ, другой краснорѣчіемъ, третій богатствомъ, четвертый своими связями; а тѣ, кои не могутъ похвастать чѣмъ либо подобнымъ, хвастаютъ своими пороками.—Но ни одного порока не порицаетъ такъ сильно Григорій, какъ порокъ лицемерія, грозно осужденный Спасителемъ. Этотъ порокъ кажется ему самымъ пагубнымъ изъ пагубныхъ; а потому онъ истощается въ насмѣшкахъ надъ тѣми, которые своей бородой, своимъ согбеннымъ видомъ, тихимъ голосомъ, робкою поступью, хотятъ казаться благочестивыми, не имѣя ни души ни сердца.

Для того чтобы не утомлять читателя перечисленіемъ всѣхъ отдѣльныхъ чертъ ужасающаго образа, который св. Григорій снимаетъ съ огромной толпы духовныхъ своего времени, обратимся лучше къ разсматриванію его идеала духовнаго пастыря и богослова. Этотъ идеаль, въ продолженіи всего служенія св. Григорія, такъ живо стоялъ предъ его душою, что не давалъ ему и на минуту покоя, и часто исполнялъ его сердце скорбнымъ чувствомъ о своемъ недостойнствѣ. Цѣль теоретическаго и практическаго богословія, которое онъ обыкновенно называлъ духовнымъ врачеваніемъ, поставлялъ онъ въ томъ, чтобы открывать душу, отвлекать ее отъ міра и возвращать Богу. «Мы должны, говоритъ онъ, сохранить въ душѣ образъ, если онъ цѣль; поддержать его, если онъ въ опасности; обновить, если поврежденъ. Короче сказать—того, кто принадлежитъ къ горнему чину, должны содѣлать Богомъ и причастникомъ горняго блаженства.. Пастырь долженъ почитать главною и даже единственною обязанностію очищать души жизнию и ученіемъ; будучи самъ просвѣщаемъ божественною благодатію, онъ долженъ служить для своихъ пасомыхъ чистымъ духовнымъ зеркаломъ;

долженъ приносить священную жертву за своихъ чадъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ ихъ жертвою богоугодною».. Пастырь есть духовный врачъ. Врачи тѣлѣ должны переносить разные труды и заботы, и, какъ сказалъ одинъ мудрый врачъ, изъ чужихъ несчастій собирать для себя скорби. И для чего все это? Для того чтобы больше дней прожилъ на землѣ человѣкъ, которому, по его порочности, можетъ быть лучше было бы давно умереть. Но намъ, когда мы въ опасности утратить спасеніе души, души блаженной и бессмертной, какой предлежитъ подвигъ, чтобы хорошо и другихъ уврачевать и самимъ уврачеваться?.. Наше врачебное искусство гораздо труднѣе искусства врачевать тѣло. Оно труднѣе потому, что послѣднее мало заглядываетъ вглубь, болѣе же занимается видимымъ; напротивъ того, наше врачеваніе и попеченіе, все относится къ потаенному сердца человѣку, и наша брань—съ врагомъ внутри насъ воюющимъ». (Orat. II, Carm. ad. episc.).

Сообразно съ этой высокой цѣлю пастырской дѣятельности, св. Григорій требуетъ отъ духовныхъ по преимуществу богоугодной жизни; ибо что не дѣятельно и не живо въ насъ самихъ, то не можетъ быть таковымъ и въ другихъ. «Никто не достоинъ великаго Бога, никто не достоинъ быть пастыремъ и приносить Богу жертву, если онъ прежде не принесъ себя въ живую жертву Богу, или если не сдѣлался святымъ и живымъ храмомъ живаго Бога. Какъ я могу дерзнуть возвѣщать слово Божіе, если я не сдѣлался достойнымъ органомъ этого слова? Такая ревность не похвальна. Надобно прежде самого себя очистить, дабы имѣть возможность очищать другихъ.. Пастырь не долженъ звучать, какъ поддѣльная и нечистая монета; не долженъ содержать въ себѣ вещества дурнаго, требующаго сильнѣйшаго огня. Иначе тѣмъ болѣе произведетъ онъ зло, чѣмъ надъ большимъ

числомъ будетъ начальствовать; потому что порокъ, распространяющійся во многихъ, значительнѣе порока, останавливающагося на одномъ. Притомъ же порокъ гораздо легче принимается, нежели добродѣтель.. Такимъ образомъ духовный, въ которомъ насомые желаютъ видѣть образецъ христіанской жизни, не долженъ довольствоваться тѣмъ, чтобы избѣгать порока, но долженъ отличаться добрыми дѣлами. Онъ долженъ не знать даже мѣры въ добрѣ и въ восхожденіи къ совершенству, долженъ почитать не столько прибылью то, что пріобрѣтено, сколько потерю то, что не достигнуто» (Orat. II, Orat. XX).

Столь же строго требуетъ св. Григорій отъ учителя религіи, чтобы онъ имѣлъ основательныя свѣдѣнія въ божественныхъ вещахъ и зналъ науки человѣческія, особенно же философію. «Представителю, пишетъ онъ, необходимо быть вмѣстѣ какъ простымъ, относительно правоты, такъ и сколько можно болѣе многостороннимъ и разнообразнымъ для приличнаго со всякимъ обращенія, а равно способнымъ къ полезной со всякимъ бесѣдѣ. Ибо одни, по способностямъ младенцы, требуютъ себѣ въ пищу млека, т. е. самыхъ простыхъ, первоначальныхъ уроковъ; а другіе имѣютъ нужду въ премудрости проповѣдуемой между совершенными, въ пищу высшей и болѣе твердой.. Богословъ долженъ имѣть вѣрное понятіе о мірѣ и мірахъ, о матеріи, душѣ, умѣ и умахъ существахъ, какъ добрыхъ такъ и злыхъ, о всеоключающемъ и управляющемъ всѣми событіями Промыслѣ, о нашемъ первоначальномъ устроеніи и о послѣднемъ возсозданіи, о прообразованіяхъ и истинѣ, о первомъ и второмъ Христовомъ пришествіи, Его вочеловѣченіи, страданіяхъ, смерти, воскресеніи,—во всѣхъ этихъ предметахъ онъ долженъ дать отвѣтъ» (Orat. 11, III).

Но да не подумасть кто-либо, что Григорій требуетъ отъ пастыря невозможнаго. Если онъ высказываетъ желаніе, чтобы богословъ зналъ все пути и откровенія Божіи, даже до послѣднихъ основаній, то при этомъ говоритъ, что такое познаніе, совершенно исчерпывающее всякую истину и все глубины божественнаго существа, не достигается въ земной жизни человѣка. Настоящее наше познаніе есть только постепенное приближеніе къ тому познанію, которое сообщается для насъ въ небесномъ блаженствѣ. «Истинный богословъ не тотъ, кто хочетъ все (касательно Божества) совершенно понять, ибо неограниченнаго не можетъ постигнуть существо ограниченное; но тотъ, кто болѣе нежели другой отразилъ въ себѣ божественное и имѣетъ въ себѣ образъ, тѣнь истины... Совершеннѣйшее изъ всего существующаго есть вѣдѣніе Бога. Сіе-то вѣдѣніе частию да хранимъ, частию да приобрѣтаемъ, пока живемъ на землѣ, а частию да сберегаемъ для себя въ тамошнихъ сокровищахъ, чтобы въ награду за труды пріять всецѣлое познаніе святаго Троицы» (Orat. XX, Orat. XXX).

Но какъ бы ни былъ ученъ пастырь, а если онъ не имѣетъ при этомъ смиренія, то ученость будетъ для него не только бесполезна, но даже вредна. Истинный богословъ долженъ сознавать свою немощь, и съ молитвою обращаться къ Тому, Кто силенъ въ немощахъ. «Образовавшіе въ себѣ даръ слова не слишкомъ полагайтесь на сей даръ, не мудрствуйте до излишества, наче разума, не желайте во всемъ, даже и со вредомъ одерживать верхі; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, только было бы полезно, уступайте надъ собою и побѣду. Принесите слово въ даръ Слову, обратите ученость въ оружіе оправданія, а не смерти» (Orat. XIX).

Е. С.

